

© 2005 г.

ЯРОСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ ДОМАНСКИЙ (1928–2004)

Ярослав Витальевич Доманский умер 16 апреля 2004 г. после тяжелой болезни в достойном и почтенном возрасте. Он исчерпал свой жизненный ресурс и ушел из мира сего, оставшись в нашей памяти и в своих работах.

Друг, археолог, историк, Хранитель древностей Государственного Эрмитажа, член-корреспондент Берлинской Академии наук, коллега – таким он остается для всех, кто с ним дружил, работал или просто встречался в разных ситуациях: в родовом доме на Пушкинской улице, на даче в Комарове под Петербургом (Ленинградом), в археологических экспедициях на Юге России (Украины), в его уютном кабинете в Эрмитаже и просто на Невском проспекте, по которому он каждый день шел неторопливым шагом из дома в Кузнечном переулке в Зимний дворец.

Ярослав был петербуржец из петербуржцев, хотя родился уже в Ленинграде в квартире своих родителей на углу Пушкинской улицы и Кузнечного переулка 14 июля 1928 г., в день взятия Бастилии в Париже. Он родился в том самом месте, где поблизости от его дома и сейчас стоит домик, в котором жила и умерла Арина Родионовна, няня А.С. Пушкина. А по дороге к его жилищу от Невского, если идти по Пушкинской, стоит скромный бронзовый Пушкин – первое и лучшее изваяние Опекушина. И вот в этом доме на верхнем этаже он прожил всю свою жизнь. Без лифта. Поднимался из типичного петербургско-ленинградского двора-колодца по крутой черной лестнице с разновеликими ступенями. И попадал в уютную квартиру. В свой дом. Несомненно, не только семейные традиции, воспитание, образование, но и уникальная среда старого Петербурга (которая местами сохраняется до сих пор) сформировала его личность как истинного петербургского интеллигента.

Отец Ярослава, В.Е. Доманский, был крупным гидротехником, известным специалистом по возведению плотин. Под его руководством были построены советские Минге-

чаурская (в Азербайджане) и Куйбышевская (в России) гидроэлектростанции. Мать, Екатерина Григорьевна, не только вела домашнее хозяйство, но и занималась живописью. После Отечественной войны и возвращения из эвакуации с Урала, закончив в 1946 г. школу, Слава Доманский поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Он стал специализироваться по кафедре археологии. И практически с самого начала увлеченно занимался античной археологией Северного Причерноморья. С 1947 по 1950 г., будучи студентом, участвовал в раскопках древней Ольвии в отряде С.И. Капошиной. И, вероятно, с этого же времени началась его постоянная и неизменная любовь к античным древностям Нижнего Побужья. Им он, в основном, и посвятил всю свою последующую жизнь. Здесь же, на истфаке он встретил свою другую, кроме археологии, судьбу – женщину, с которой связал себя навсегда. Все профессионалы-археологи, многие архитекторы и специалисты знают или знали его жену – Э.С. Доманскую, многолетнюю сотрудницу и заведующую уникальным фотоархивом Института археологии (ныне ИИМК РАН).

По окончании университета в 1951 г. Я.В. Доманский был сразу принят в аспирантуру Государственного Эрмитажа. Его научный руководитель С.И. Капошина предложила ему тему, которой она тогда занималась, – «Греческая колонизация Северного Причерноморья». Это было судьбоносное предложение. Проблемы греческой колонизации северных берегов Понта в это время уже настоятельно требовали (по мере накопления археологических источников) своего нетривиального разъяснения и новых идей. Тогда в науке господствовала теория «торговой», «двусторонней» колонизации Причерноморья. Она была логична и на первый взгляд безупречна. Ее истоки, шедшие от взглядов Эд. Мейера, прекрасно развитые в блестящей книге А.А. Иессена «Греческая колонизация Причерноморья: ее предпосылки и особенности», а затем в работах В.Д. Блаватского и других исследователей, стали классикой советской истории и археологии. Но Ярослав Витальевич уже в своей кандидатской диссертации, а впоследствии в статье, опубликованной в «Археологическом сборнике Государственного Эрмитажа» (вып. 7), подверг ее основные положения сомнению. Он впервые провел тщательный анализ раннего греческого импорта в Восточную Европу и убедительно показал, что, во-первых, нет достаточных оснований говорить о «доколониционных» регулярных торговых греко-варварских связях, а во-вторых, вряд ли торговые связи между раннегреческим поселением на о-ве Березани (как и ранней Ольвии) и варварским миром степной и лесостепной зоны Восточной Европы в архаическое время были регулярными и интенсивными (не отрицая, впрочем, спорадических контактов). На примере классического Березанского поселения он одним из первых решительно выступил против господствовавшей тогда в науке теории двусторонности торговых контактов, справедливо полагая, что колонизационная деятельность греков была вызвана их собственными потребностями, в первую очередь – голодом. К стати, много позднее, в своей небольшой заметке, касающейся основания Херсонеса в Таврике, Ярослав Витальевич выделил основные условия и обстоятельства выведения греческих колоний. Это своего рода катехизис для тех, кто начинает заниматься конкретными проблемами греческой колонизации.

Всю свою жизнь Я.В. Доманский был сотрудником Государственного Эрмитажа. Хранителем древностей в самом высоком смысле этого слова, ведь Эрмитаж был его вторым домом. В его хранении находилась уникальная коллекция древностей Северного Причерноморья и Кавказа. Осмысление этих источников подвигло его, кроме написания специальных статей и редактирования, на публикацию книг «Скифы» (Л.: Искусство, 1981) и «Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа» (М.: Искусство, 1984).

Важной стороной его жизни было участие в археологических экспедициях. Он работал в Кобяковской экспедиции под руководством С.И. Капошиной и на протяжении многих лет в Ольвийской экспедиции ЛОИИМК / ЛОИА под руководством Е.И. Леви и А.Н. Карасева, а также принимал участие в раскопках городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму под Евпаторией, в Березанской экспедиции Государственного Эрмитажа, а с 1981 г. возглавил ее. Это соответствовало его жизненным и научным интересам.

Ярослав Витальевич был человек живой из живых. Он всегда был душой любого дружеского собрания. Именно это стало толчком полусутоливого-полусерьезного «неформального», как теперь говорят, сообщества, присвоившего себе – не без некоторого вызова окружающему миру того времени (60-е годы прошлого века) – название «Академия» (или «Малая Академия»). В этот кружок вошли археологи и историки: И.Б. Брашинский, Я.В. Доманский, Э.Д. Фролов, А.Н. Щеглов и филолог-классик Н.В. Шебалин. Мы собирались без особой очередности на квартире у того, у кого было сподручно. За дружеским столом, за скудной по тому времени едой, но с неслучайной «бутылочкой» мы с увлечением и откровенно обсуждали все, что нас интересовало в науке, литературе, политике, личной жизни. Это был в тех условиях отличный пример микросообщества, объединявший людей по близости интересов и духу. И последнее, о чем знают только родные и близкие друзья и соратники Ярослава Витальевича, – он писал стихи. Правда, фривольные, в стиле Баркова, но талантливые.

Первым из нашего небольшого, но дружного полунаучного (а может быть все-таки научного?) сообщества в иной мир ушел И.Б. Брашинский. За ним последовал Н.В. Шебалин. Теперь – Я.В. Доманский. С его уходом мир для нас, оставшихся вдвоем, опустел. Единственным утешением остается светлая память по самому жизнелюбивому из нас.

Э.Д. Фролов, А.Н. Щеглов